

A man with a beard and curly hair stands in a workshop. He is wearing a brown leather jacket over a grey t-shirt and blue jeans. The workshop is filled with shelves of books, papers, and various tools. A window is visible on the right side. The overall atmosphere is rustic and creative.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

НИ КОПЕЙКИ ЗА
ДУШОЙ

Сергей Патрушев

Ни копейки за душой

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ни копейки за душой / С. Патрушев — «Автор», 2026

Игорь ещё вчера был успешным бизнесменом: компания, семья, уверенность в завтрашнем дне. Сегодня от всего этого не осталось ничего, кроме пустой квартиры, матраса на полу и звонков коллекторов. Он опускается на самое дно: ночной склад, случайные подработки, ночлежка, где его соседями становятся бывший учитель, спившийся инженер и студент-нелегал. Каждый день борьба не только за кусок хлеба, но и за самого себя. Это история о том, как теряют всё и начинают сначала. О гордости, которую нельзя положить в суп, и о свободе, которая не измеряется деньгами. О том, что настоящее богатство — это не цифра на счёте, а способность вставать по утрам и оставаться человеком, даже когда кажется, что мир отвернулся от тебя. Роман для тех, кто хочет понять, как живут люди, оказавшиеся за чертой и что помогает им вернуться.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка ноль	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ни копейки за душой

Глава 1. Точка ноль

Он проснулся не от резкого, назойливого звонка будильника, который в прежней, благополучной жизни безжалостно вырывал его из объятий сна каждое утро ровно в шесть тридцать, и не от яркого солнечного света, настойчиво пробивавшегося сквозь тонкие, давно не стиранные шторы, которые висели на карнизе подобно усталым, обвисшим крыльям. Его выдернуло из тяжелого, липкого, вязкого забытья, больше похожего на беспокойное небытие, острое, пронзительное ощущение чужеродности, неправильности всего происходящего, словно сама реальность отторгала его, как инородное тело. Сознание возвращалось медленно, нехотя, с трудом продираясь сквозь плотную толщу мутной, застоявшейся воды, сквозь серую пелену беспамятства, которая никак не хотела рассеиваться окончательно. Сначала пришло понимание жесткости под спиной — это был вовсе не тот ортопедический матрас с эффектом памяти, к которому он когда-то привык, а его бледная, жалкая тень, набитая сбившимися в неровные, твердые комья ватой, которая давно потеряла всякую упругость и лишь создавала иллюзию мягкости. Затем — запах. Тяжелый, спертый запах пыли, застоявшегося воздуха и едва уловимого, вьёвшегося в стены, в пол, в самые молекулы этого пространства отчаяния. Так пахнут помещения, из которых ушла жизнь, из которых ушли люди, оставив после себя лишь пустоту, тишину и это всепроникающее, удушающее амбре безысходности.

Он открыл глаза, и это простое действие потребовало от него невероятного усилия воли, словно веки его были налиты свинцом.

Потолок встретил его сложной, причудливой паутиной трещин, расходящихся от старой, давно не работающей люстры, на которой не горела ни одна лампочка, и эти трещины напоминали карту несуществующей страны, полную изломанных линий, тупиков и разломов. Игорь смотрел на эти трещины уже которую неделю, они стали неотъемлемой частью его внутреннего ландшафта, такой же изломанной, исковерканной картой его собственной, разрушенной до основания жизни. Он лежал, раскинув руки в стороны, на жестком, холодном полу своей съемной квартиры, потому что кровать вместе с остальной, некогда дорогой и добротной мебелью исчезла около месяца назад — он продал её, чтобы заплатить за очередной месяц аренды, чтобы хоть на какое-то время отсрочить неизбежное выселение на улицу. Остался только этот жалкий, продавленный матрас, брошенный прямо на скрипучий, местами вздувшийся паркет, да старый, дребезжащий, полупустой холодильник на кухне, который гудел так, словно был готов вот-вот развалиться на части. Впрочем, кухней это место теперь можно было назвать лишь весьма условно, поскольку от полноценной кухни здесь остались лишь голые, обшарпанные стены да подведенные коммуникации.

Он медленно, с трудом повернул голову в сторону, чувствуя, как хрустят шейные позвонки, как напрягаются одеревеневшие за ночь мышцы. Рядом с матрасом, на расстеленной старой, пожелтевшей газете, валялся его смартфон — единственная ниточка, связывающая его с внешним миром, который, впрочем, давно уже не приносил ему ничего, кроме боли и разочарования. Экран был темным, безжизненным, покрытым сетью мелких трещин, которые разбежались от верхнего правого угла, словно ледяные узоры на зимнем окне. Игорь нехотя протянул руку, коснулся холодной кнопки, и аппарат неохотно ожил, мигнув поврежденным, тусклым светом. Уведомления посыпались одно за другим, беззвучным, но оттого не менее болезнен-

ным градом барабана по и без того расшатанным, натянутым до предела нервам. Десятки пропущенных звонков, бесчисленные СМС-сообщения, которые скапливались в памяти телефона, словно ядовитые отходы. Все с одних и тех же, давно заученных наизусть номеров. Коллекторы работали как отлаженный, безотказный часовой механизм, их настойчивость граничила с искусством, с каким-то извращенным перфекционизмом, доведенным до абсолюта. "Ожидаем погашения задолженности в кратчайшие сроки...", "Ваш вопрос передан в юридический отдел для дальнейшего разбирательства...", "Во избежание принудительного взыскания рекомендуем незамедлительно связаться с нами...". Он смахнул их все одним резким, раздраженным движением пальца, не читая, не вникая в суть этих бездушных, шаблонных фраз. Внутри ничего не дрогнуло, ни один мускул на лице не шевельнулся. Там, где раньше жили страх, злость, отчаяние или хотя бы банальное раздражение, теперь простиралась выжженная, бесплодная пустыня, мертвая зона, в которой не осталось места ни для каких эмоций. Апатия стала его защитным панцирем, его броней, его единственным способом выживания в этом враждебном, равнодушном мире.

Он сел, медленно спустив босые ноги на холодный, неприятно липнувший к коже пол, и это простое движение отозвалось тупой болью в пояснице, словно он был глубоким стариком, а не мужчиной, которому едва исполнилось тридцать шесть. Встал, пошатываясь, хватаясь рукой за стену, чтобы не потерять равновесие. Тело слушалось с трудом, неохотно, в суставах скрипело и похрустывало, как в старом, разошедшемся деревянном шкафу, который давно пора выбросить на свалку. Ему было всего тридцать шесть, но ощущал он себя на все семьдесят, а то и больше, словно прожил за эти короткие месяцы несколько жизней, и каждая из них оставила на нем свой неизгладимый, уродливый шрам. Игорь машинально потер лицо обеими ладонями, чувствуя под пальцами жесткую, колючую щетину, которую не брил уже несколько дней, а может быть, и целую неделю — он давно потерял счет времени, которое слилось для него в один бесконечный, серый, бессмысленный поток. Подошел к окну, ступая босыми ногами по холодному полу, который, казалось, вытягивал из него последнее тепло. За грязным, заляпанным дождевыми потеками стеклом серое, низкое, тяжелое питерское небо плакало мелким, нудным, бесконечным дождем, который, казалось, шел уже целую вечность и не собирался заканчиваться никогда. Серый двор-колодец, стиснутый со всех сторон обшарпанными стенами старых домов, серые, мрачные стены, серые, безликие люди, спешащие по своим серым, бессмысленным делам, уткнувшись в свои телефоны и зонты. Идеальная, безупречно подобранная декорация для его нынешнего, плачевного положения, для его полного и окончательного поражения.

Полгода. Всего лишь шесть коротких, ничтожных месяцев назад он и подумать не мог, что окажется здесь, в этой пустой, холодной квартире, на самом дне своей собственной жизни.

Тогда у него была компания — небольшая, но крепкая, уверенно стоящая на ногах, занимавшаяся поставками строительных материалов по всему региону. Был офис в самом центре города, в престижном бизнес-центре с панорамными окнами и дорогой, современной мебелью, штат из пятнадцати квалифицированных, преданных сотрудников, надежные, проверенные временем партнеры и амбициозные, далеко идущие планы по расширению бизнеса, по выходу на новые рынки. Был дом — просторная, светлая квартира в новом элитном жилом комплексе, с огромными панорамными окнами, из которых открывался захватывающий вид на город, и дорогой, дизайнерской мебелью, привезенной специально из Италии по индивидуальному заказу. Была семья — жена Ольга, красивая, ухоженная, стильная женщина, с которой они прошли вместе десять долгих, насыщенных лет, разделяя и радости, и горести, и дочь Алиса, шестилетний неугомонный ураган с задорными косичками, пахнущий клубникой, дет-

ским шампунем и звонким, заразительным смехом, который заполнял собой все пространство. Была уверенность в завтрашнем дне, та самая, непоколебимая, железобетонная уверенность, которая позволяет спать спокойно, без тревожных мыслей, и строить планы на годы вперед, не опасаясь никаких потрясений. Машина — новенький черный внедорожник, отдых за границей несколько раз в год, счета в банках, на которых лежали солидные суммы. Все, что принято называть этим модным, обманчивым словом "стабильность".

Теперь он смотрел на все это, как на размытую, выцветшую фотографию из чужого, давно забытого, нереального прошлого, словно это была не его жизнь, а сюжет какого-то фильма, который он случайно посмотрел и уже почти забыл. Чужого, потому что тот человек, который водил дорогой джип, ужинал в элитных ресторанах и подписывал контракты на миллионы рублей, казался ему теперь голограммой, иллюзией, фантомом, порожденным его собственным воображением. Настоящим, реальным, подлинным был вот этот Игорь, который стоит босиком в пустой, холодной, полутемной квартире и прикидывает, хватит ли ему оставшейся в кармане мелочи, чтобы доехать до центра занятости, который, впрочем, все равно ничем не мог ему помочь.

Он медленно, шаркая ногами, прошел на кухню, которая встретила его все той же угрожающей пустотой и тишиной, лишь усиливающейся монотонным, жалобным гудением старого холодильника. Голые, обшарпанные стены, с которых свисали обрывки старых обоев, снятые полки, оставившие после себя уродливые дыры в штукатурке, одинокий холодильник, который он так и не решился продать — кому нужна эта старая, дребезжащая рухлядь, которая развалится при первой же попытке транспортировки? Он нехотя открыл дверцу, и внутри вспыхнул яркий, стерильный, почти издевательский в своей неуместной чистоте свет, который на мгновение ослепил его, заставив зажмуриться. Пусто. Абсолютно, космически пусто. Лишь на средней полке, покрытой старыми, засохшими пятнами неизвестного происхождения, одиноко стояла полупустая, уже начавшая затвердевать банка растворимого кофе самого дешевого сорта и лежала помятая пачка сахара, которую он берег как самую большую драгоценность, как зеницу ока, отсыпая по крупинке в редкие минуты слабости. Игорь включил старый, покрытый известковым налетом электрический чайник, который стоял прямо на полу возле розетки, потому что стола в этой кухне тоже не было — он продал и его, и все остальное, что представляло хоть какую-то ценность. Кофе — это все, что у него осталось на завтрак, да и то вряд ли этот завтрак можно было назвать полноценным приемом пищи. Обед и ужина не предвиделось в принципе, и он давно уже смирился с постоянным, ноющим чувством голода, которое стало его верным спутником.

Пока вода медленно, с нарастающим шумом закипала, он снова взял в руки свой старенький, потрепанный телефон, машинально открыл галерею, пальцы сами нашли знакомую иконку. Экран треснул еще в тот самый день, когда судебные приставы описывали его имущество, вынося из квартиры все, что имело хоть какую-то ценность, а он в приступе бессильной, животной ярости швырнул телефон в стену, понимая, что ничего не может изменить. С фотографий на него смотрели прежние, счастливые, беззаботные лица, которые теперь казались такими далекими и чужими. Ольга, с легкой, едва уловимой улыбкой на губах, в том самом шелковом, переливающимся платье, которое он подарил ей на их последнюю годовщину свадьбы, когда все еще было хорошо. Алиса, смеющаяся, счастливая, с размазанным по всему носу шоколадным мороженым, с задорно торчащими в разные стороны косичками. Семейные ужины при свечах, летние дни на даче, бескрайнее, бирюзовое море на фоне белоснежного песка. Он листал эти цифровые отпечатки прошлой жизни, и каждая фотография отзывалась в

нем тупой, ноющей, непрекращающейся болью, как старый, давно сросшийся перелом, который всегда ноет к непогоде, напоминая о пережитой травме.

Развод был быстрым, циничным и безжалостным, словно удар ножом в спину. Ольга не закатывала скандалов, не устраивала истерик, не пыталась ничего выяснить или спасти. Она просто принесла уже подготовленные документы и ровным, ледяным голосом сказала, что больше не может жить с неудачником, что ей нужен мужчина, способный обеспечить семью, а не жалкий банкрот, который не может купить даже хлеба. Ее глаза, которые когда-то смотрели на него с любовью, нежностью и восхищением, стали холодными, чужими и безразличными, как линзы камеры видеонаблюдения, фиксирующей происходящее без всяких эмоций. Она забрала Алису, собрала все свои вещи и переехала к своей матери, в просторную квартиру на другом конце города, предварительно отсудив у него всё, что только можно было отсудить, оставив его буквально с голыми руками. Игорь не сопротивлялся, не спорил, не пытался бороться. Он сам себе был противен, сам не мог смотреть на себя в зеркало без отвращения. Ему хотелось, чтобы эта затянувшаяся агония поскорее закончилась, чтобы все это прекратилось как можно быстрее. И Ольга, в сущности, была права. Он действительно был неудачником, человеком, который потерял все, к чему прикасался.

Бизнес рухнул не сразу, не в одночасье, как это часто показывают в дешевых фильмах. Сначала, как первые признаки надвигающейся болезни, пошли задержки по оплатам от крупного, казавшегося надежным заказчика. Потом, в самый неподходящий момент, сорвалась выгодная, многообещающая сделка, под которую он уже успел взять крупный кредит в банке, заложив все свое имущество. Затем банк, почуяв неладное, поднял процентную ставку, и выплаты стали неподъемными. Банкротство ключевого поставщика, который был его основным партнером на протяжении многих лет, стало последней каплей. Суд, арест счетов, опись имущества. Воронка засасывала его медленно, но неумолимо, с каждым днем все глубже и глубже, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Он пытался выплыть, боролся, хватался за любую возможность, продавал машину, вкладывал последние сбережения, занимал у друзей, которые потом перестали отвечать на звонки. Пока, наконец, не понял, что тонет окончательно, что все его усилия напрасны, и что он неизбежно потащит за собой всех, кто окажется рядом, если не остановится.

Крах был подобен авиакатастрофе, в которой он был и пилотом, и пассажиром, и обломком фюзеляжа, стремительно несущимся к земле, одновременно — причиной, жертвой и свидетелем собственного падения.

Чайник щелкнул, автоматически выключившись, и этот звук вырвал его из пучины воспоминаний, вернув в холодную, неудобную реальность. Игорь насыпал в кружку с отколотым краем остатки кофе, залил крутым кипятком, тщательно размешал найденной тут же щепкой, поскольку ложек в доме тоже не осталось. Горький, резкий аромат ударил в нос, обещая иллюзию бодрости, обещая прилив сил, которого не было. Он не ел со вчерашнего утра, если не считать нескольких глотков воды, но голода, как ни странно, не чувствовал. Организм, казалось, перешел в какой-то особый, энергосберегающий режим, притупив все чувства, заглушив все потребности. Осталась только эта тупая, ноющая, непреходящая пустота в солнечном сплетении, которая была хуже любого голода. Он подошел к окну, сделал первый глоток обжигающего, горького напитка и невольно поморщился. Кофе без сахара был отвратительным, но тратить драгоценные крупинки на такую роскошь он не мог себе позволить.

Деньги. Он машинально полез в задний карман джинсов, висящих на спинке единственного уцелевшего стула, который стоял в углу кухни, словно страж этой пустоты. Вытащил горсть холодной, звякающей мелочи, пересчитал, шевеля губами, как безграмотный школьник. Десять, двадцать, еще пять, рубль, снова десять, и еще несколько мелких монет. Итого — чуть меньше восьмидесяти рублей, жалких копеек, которых должно хватить на проезд до центра занятости и обратно, если не делать пересадок и идти пешком от остановки. На биржу труда он встал около месяца назад, пройдя через унижительную процедуру регистрации, но до сих пор не получил ни одного приличного, достойного его квалификации предложения. Директор с многолетним опытом управления, бывший владелец собственного бизнеса, человек, который когда-то управлял целой компанией, — он был никому не нужен. Его резюме пугало потенциальных работодателей, а возраст, приближающийся к сорока, и отсутствие "свежих, актуальных навыков" делали его неконкурентоспособным на современном рынке труда. Максимум, что могли предложить — должность продавца-стажера в какой-нибудь сомнительной конторе с мутной репутацией и оплатой, которой хватит разве что на проезд до работы. Или менеджера по холодным звонкам, что было еще унижительнее. Игорь пробовал, честно пытался, заставлял себя. Выходил на работу, надевал маску наигранного энтузиазма, пытался вникнуть в суть деятельности, но ловил на себе снисходительно-насмешливые взгляды двадцатилетних юнцов, полных сил, энергии и амбиций, и понимал, что он для них — динозавр, пережиток прошлого, доисторическое ископаемое, вымирающий вид. На третий день он уходил, не выдержав этой изошренной пытки быть пустым местом, объектом насмешек и скрытого презрения.

Он допил кофе несколькими жадными глотками, и обжигающая, горькая жидкость окончательно привела его в чувство, вернула способность мыслить более-менее ясно. Нужно было ехать. Зачем? Он и сам не знал ответа на этот вопрос. Чтобы поставить очередную унижительную отметку о явке, подтвердив свое существование перед бездушной бюрократической машиной? Чтобы почувствовать себя хотя бы на мгновение человеком, у которого есть хоть какое-то дело, хоть какая-то цель в жизни? Возможно, и так. Но сидеть в этих четырех стенах, которые давили на него всем своим убожеством, всем своим затхлым воздухом, всей своей безысходностью, было решительно невыносимо. Пустая квартира была зеркалом его собственной души, таким же пустым, холодным и неуютным вместилищем, из которого ушла вся жизнь.

Сборы были недолгими, почти автоматическими, доведенными до рефлекса. Он натянул джинсы, которые уже давно не стираны и висят на нем мешком, старую, выцветшую футболку, старый, растянутый свитер с катышками. Накинул куртку, которая помнила времена получше, но все еще сохраняла остатки бывшего благородства. Обулся в поношенные, но еще крепкие ботинки, которые прошли с ним не одну сотню километров. Посмотрел на себя в зеркало в прихожей, которое осталось здесь от прежних жильцов и было покрыто тонким слоем пыли. Оттуда на него смотрел постаревший, осунувшийся, изможденный мужчина с потухшим, безжизненным взглядом и серым, землистым лицом, покрытым глубокими морщинами, которых еще полгода назад не было. Отражение, которое он с трудом узнавал, с которым отказывался ассоциировать себя. В глазах стояла пустота, та самая, всепоглощающая, бездонная пустота, что поселяется в человеке, потерявшем не просто деньги, а самого себя, свою идентичность, свой смысл существования.

Он вышел на лестничную клетку, захлопнул за собой дверь, проверил, надежно ли она заперта, хотя и понимал, что это лишь формальность. Замок был старый, ненадежный, его можно было открыть простой скрепкой, но воровать у него было нечего. Если только сам матрас, продавленный и вонючий, или банку дешевого кофе, которая и так почти закончилась.

Игорь усмехнулся своим мыслям, и эта усмешка вышла кривой, горькой и совершенно безрадостной, отражая всю глубину его падения.

Улица встретила его холодным, промозглым, пронизывающим до костей ветром, который, казалось, дул сразу со всех сторон, не оставляя ни малейшего шанса укрыться от него. Дождь моросил, забираясь за шиворот, пробирая до самых костей, проникая сквозь тонкую ткань куртки. Игорь поднял воротник, втянул голову в плечи и зашагал к остановке, стараясь ступать по лужам как можно осторожнее. Мимо проносились машины, обдавая его грязными брызгами из луж, которые он не успевал избежать. Спешили люди с зонтами и без, уткнувшись в свои телефоны, не замечая ничего вокруг. Жизнь кипела, бурлила, продолжалась своим чередом, несмотря ни на что. Только для него она остановилась, застыла в одной бесконечной, серой, безрадостной точке. Точке ноль, точке полного обнуления всех его достижений и надежд.

Он сел в автобус, расплатился дрожащими от холода пальцами, стараясь не рассыпать мелочь по грязному полу. Занял свободное место у окна, прижался горячим лбом к холодному стеклу. Пассажиры смотрели на него без всякого интереса, скользили равнодушными взглядами и тут же отворачивались, возвращаясь к своим делам и мыслям. Никому не было дела до его личной трагедии, до его разрушенной жизни, до его боли. Да и была ли она, эта трагедия? Для окружающих — просто очередной мужчина с потухшим взглядом и небритым лицом, едущий в никуда, один из сотен тысяч, потерявших все в очередной экономической шторм, потрясший страну. Статистика, безликая единица в бесконечной череде подобных ему.

Игорь прикрыл глаза, прислонившись виском к холодному, вибрирующему стеклу, и перед его мысленным взором тут же встала Алиса. Ее звонкий, залиvistый смех, ее маленькие, теплые ручки, обнимающие его за шею, ее запах — смесь детского шампуня, клубничного йогурта и чего-то неуловимо родного. "Папа, а когда ты забереешь меня к себе?" — спросила она в их последнюю встречу, глядя на него своими огромными, доверчивыми глазами, полными надежды и ожидания. Он тогда соврал, не моргнув глазом, что скоро, очень скоро, просто нужно еще немного подождать, что папа решает некоторые важные дела. Он не знал, как сказать ей правду, не знал, как объяснить шестилетнему ребенку, что папа живет в пустой, холодной квартире и не может купить ей даже шоколадку, не говоря уже о новых игрушках. Ольга, конечно, уже все рассказала своей матери, а та, в свою очередь, с удовольствием, смакуя подробности, поведала об этом Алисе, не заботясь о чувствах ребенка. Алиса была умной, не по годам развитой девочкой, она понимала гораздо больше, чем ему хотелось бы. Но от этого осознания было только еще больнее, еще невыносимее. Он был готов вынести презрение жены, нападки коллекторов, долги, нищету, что угодно. Но видеть разочарование в глазах дочери, видеть, как рушится ее вера в отца, — это было выше его сил. Поэтому он свел их общение к редким, коротким и мучительным для него звонкам, которые оставляли после себя лишь горькое послевкусие и чувство собственной никчемности.

Автобус резко, с визгом тормозов, остановился, вырвав его из пучины воспоминаний, заставив резко дернуться вперед. За окнами проплывали серые, унылые здания, витрины магазинов, яркие, кричащие вывески, которые казались чужеродными в этом море серости. Всё это было чужим, далеким и совершенно не нужным ему. Он вышел на своей остановке, постоял несколько мгновений, собираясь с мыслями, вдыхая холодный, влажный воздух. Здание центра занятости, унылая панельная пятиэтажка с облезлым, потрескавшимся фасадом и вечно протекающей крышей, внушало тоску и уныние одним своим видом. Внутри пахло хлоркой, дешевым дезинфицирующим средством и старой, слежавшейся бумагой, этот запах, казалось,

въелся в стены навсегда. Та же самая очередь, состоящая из уставших, отчаявшихся людей, те же самые лица, выражающие весь спектр негативных эмоций. Люди, потерявшие работу, приходили сюда с разными чувствами: кто-то со страхом перед неизвестностью, кто-то с робкой надеждой на лучшее, кто-то с откровенным отчаянием в глазах. Игорь приносил сюда только свою бесконечную, всепоглощающую усталость и полное безразличие к собственной судьбе.

Он нашел нужный кабинет, дождался своей очереди, которая тянулась невыносимо долго, вошел в тесное, душное помещение, заставленное шкапами с папками. Инспектор, женщина средних лет с усталым, морщинистым лицом и приклеенной, искусственной улыбкой, которая не касалась ее глаз, посмотрела на него с плохо скрываемым сочувствием. От этого сочувствия, от этой жалости Игорю стало еще более тошно, чем от всего остального.

— Игорь Валентинович, — она сверилась с бумагами, лежащими перед ней на столе, — хороших новостей у меня для вас, к сожалению, нет. Пока нет, но вы не теряйте надежду, — добавила она с фальшивым оптимизмом, который звучал как издевательство.

— Да, я понял, — он тяжело сел на стул, выпрямил спину, стараясь сохранить хотя бы видимость достоинства. — Может, есть хоть что-то? Что угодно, любая работа. Не важно, какая.

Женщина тяжело вздохнула, потирая переносицу.

— Пока только временные варианты, не требующие квалификации. Дворник, грузчик, комплектовщик на склад, уборщик территории. Оплата, сами понимаете, низкая, но стабильная, два раза в месяц. Вы должны понимать, мы не можем предложить вам руководящую должность, таких вакансий сейчас просто нет, а если и появляются, то туда берут по знакомству.

Игорь понимал. И это понимание убивало его, разъедало изнутри, как кислота. Дворник. Он, который еще полгода назад подписывал контракты на миллионы рублей, который управлял компанией, который строил бизнес с нуля и поднимал его на ноги, работая без сна и отдыха. Теперь ему предлагали мести улицы, убирать мусор за незнакомыми людьми. Не то чтобы он брезговал физическим трудом, вовсе нет. Физический труд мог бы даже пойти на пользу, выбить дурь из головы, занять руки и мысли. Но где-то глубоко внутри, на самом дне его опустошенной души, еще теплился крошечный, едва заметный уголек гордости, который не позволял ему смириться с таким падением. Он не был готов, не мог заставить себя.

— Я подумаю, — тихо, почти шепотом, произнес он, поднимаясь со стула.

Выйдя на улицу, он бесцельно побрел по мокрому, скользкому тротуару, не разбирая дороги. Дождь усилился, превратившись в сплошную водяную стену, и редкие прохожие спешили укрыться под крышами домов, в магазинах, в подъездах. Игорь не замечал его, не чувствовал, как холодные капли стекают по лицу, смешиваясь со слезами, которые он не мог сдержать. Он шел, глядя под ноги, считая трещины в асфальте, которые складывались в причудливые узоры. Его жизнь теперь напоминала эти трещины — разломанную, неровную, извилистую, ведущую в никуда. Сколько он так прошел? Час? Два? Три? Он не знал, время потеряло всякий смысл, как и все остальное в его существовании. Ноги сами, по какой-то неведомой ему логике, привели его к набережной, к тому самому месту, где он когда-то гулял с Ольгой, где они мечтали о будущем. Вода в Неве была темной, свинцовой, тяжелой, в такт его мрачным, давящим мыслям. Волны лениво, нехотя бились о гранитный парапет, оставляя на нем мокрые

следы. Холодный, пронизывающий ветер пробирал насквозь, но Игорь не чувствовал холода, его тело давно уже онемело, потеряло всякую чувствительность. Он остановился, облокотившись на холодные, мокрые перила, и уставился в темную, манящую глубину.

В такие моменты, на грани полного отчаяния, в голову лезут всякие, самые темные, самые страшные мысли. Игорь был с ними знаком не понаслышке, они уже не раз посещали его в минуты наивысшего отчаяния. Вода казалась тихой, спокойной, умиротворяющей, обещающей вечный покой и забвение от всех страданий. Прыгнуть — и все закончится, все проблемы решатся сами собой. Долги, предательство, одиночество, этот давящий, удушающий стыд за свое жалкое существование. Всё. Останется только тишина и холод, который постепенно сменится ничем. Он смотрел на воду, и вода смотрела на него своей черной, бездонной, загадочной глубиной, которая манила и пугала одновременно. Это было бы так легко, так невероятно просто. Один маленький шаг отделял его от полного и окончательного избавления, от конца всех его мучений.

Но он не сделал этого шага. Не сейчас. Что-то, какая-то неведомая сила удержала его на этой стороне, на краю пропасти. Может быть, лицо Алисы, которое всплывало перед его мысленным взором в самые страшные моменты его жизни. Может быть, остатки инстинкта самосохранения, который, как оказалось, был сильнее отчаяния, сильнее желания покоя. Или просто банальная, животная трусость — нежелание сделать последний, необратимый шаг в неизвестность, страх перед тем, что там, за гранью. Игорь не знал, что именно удержало его, но был благодарен этой силе, какой бы она ни была. Он оттолкнулся от перил, выпрямился, глубоко вздохнул и пошел прочь от воды, сунув окоченевшие руки глубоко в карманы куртки.

Он проходил мимо дорогого, элитного ресторана, из которого доносились аппетитные запахи еды, заставляя его пустой желудок болезненно сжиматься. Сквозь панорамные, запотевшие окна были видны люди — они смеялись, поднимали бокалы, наслаждались едой, общением друг друга, жизнью. Их жизнь была полна красок, тепла, смысла, радости. Игорь помнил себя в таких местах, помнил, как сам сидел по ту сторону стекла, уверенный в своей незыблемости, в том, что это никогда не закончится. Теперь он был по другую сторону — снаружи, под проливным дождем, с восьмидесятью рублями в кармане и пустотой в душе. Какая горькая, жестокая ирония судьбы, какой наглядный урок о бренности всего сущего.

Он добрел до своей остановки, промокший до нитки, дрожащий от холода, сел в автобус, который вез его обратно в пустоту, в его холодную, неудобную берлогу. В салоне было тепло и душно, пахло мокрой одеждой, дешевым табаком и усталостью. Игорь задремал, сам того не заметив, провалившись в тяжелое, беспокойное забытие. Проснулся от того, что водитель громко, с раздражением объявил его остановку. Вышел, шатаясь от усталости. Подъезд встретил его все той же привычной тишиной и запахом сырости, плесени и запустения. Поднялся по лестнице, с трудом переставляя ноги, открыл дверь, вошел, скинул мокрую куртку прямо на пол.

Пустая квартира. Тишина. Только где-то за стеной, у соседей, играла приглушенная музыка и слышались отдаленные, неразборчивые голоса, напоминавшие ему о существовании другой, чужой, недоступной ему жизни. Он прошел в комнату, не раздеваясь, рухнул на матрас, уставился в потолок, на ту самую паутину трещин, которая стала его единственным собеседником.

Вспомнил, как когда-то, много лет назад, стоя на пороге своего первого съемного жилья — крошечной комнатухи в старой коммуналке — мечтал о большом доме, о крепкой семье, о успешном бизнесе. Он шел к своей мечте, стиснув зубы, преодолевая все препятствия, работал без выходных и праздников, рисковал, падал и поднимался, не давая себе ни минуты передышки. Он достиг всего, о чем мечтал, всего, к чему стремился. А потом, по глупости, по неосторожности, по воле судьбы, потерял все это в одночасье.

И вот он снова на дне, снова в точке отсчета, но теперь ему тридцать шесть, и позади не опыт первых юношеских неудач, а груз полного, сокрушительного краха. Он листал ленту в телефоне, фотографии знакомых, бывших друзей, которые когда-то клялись ему в вечной дружбе. У них все хорошо, все стабильно. Бизнес процветает, отпуск на море, счастливые семьи. Когда у него начались проблемы, друзья испарились, растворились в воздухе, как утренний туман. Остались только те, кто ждал возврата долга, и коллекторы, чьи звонки разрывали телефон днем и ночью. Сначала он отвечал, что-то объяснял, просил отсрочки, обещал вернуть все до копейки. Потом перестал, поняв всю бессмысленность этих разговоров. Смысл? Он банкрот, официально признанный неплатежеспособным. Взять с него нечего, кроме старого матраса и дешевого кофе.

Он отложил телефон в сторону, экран погас, погружив комнату в еще большую темноту. За окном сгустились сумерки, серый день плавно перетекал в еще более серый вечер. Комната погружалась в темноту, и Игорь не стал включать свет, хотя электричество еще не отключили за неуплату. Ему было уютнее в этой серой полутьме, где не было видно его глаз, его выражения лица, его боли. Он лежал и слушал тишину, которая, казалось, насмехалась над ним, над его жалким положением, над его несбывшимися мечтами.

Сколько он так пролежал? Минуты, часы, вечность? Время потеряло всякий смысл, как и все остальное в его жизни. Он снова почувствовал голод — уже не просто тупую, ноющую пустоту, а резкую, острую, пронзительную боль в желудке, которая скручивала его внутренности в тугой узел. Но вставать за едой было бессмысленно, он знал это наверняка. Еды не было, холодильник был пуст, как и его карманы. Завтра он получит какое-то пособие по безработице, жалкие копейки, которых хватит на буханку хлеба и самую дешевую пачку макарон. А пока — нужно перетерпеть, пережить эту ночь, эту боль. Он умел терпеть, за последние полгода это стало его главным, основным навыком, единственным, что у него осталось.

Он перевернулся на бок, поджав ноги к животу, свернувшись в позу эмбриона, чтобы хоть как-то заглушить этот навязчивый, сводящий с ума голод. Мысли путались, превращаясь в бессвязный, хаотичный поток образов: лицо Ольги, ее холодные, безразличные глаза, звонкий смех Алисы, пустой офис с опечатанным входом, судебные приставы, описывающие имущество, суд, бесконечные бумаги, подписи, печати. Всё смешалось в один сплошной, серый, безжалостный водоворот, который затягивал его все глубже и глубже, на самое дно.

И в этом водовороте, на самом его дне, Игорь впервые за долгое, очень долгое время почувствовал нечто отдаленно похожее на искру, на проблеск чего-то нового. Не злость, не надежду, не отчаяние. Скорее, отголосок того самого инстинкта, который не дал ему шагнуть в Неву несколько часов назад. Инстинкта самосохранения, который, как оказалось, все еще был жив где-то в глубине его измученной души, который шептал ему, что дно — это не конец, не обязательно конец. Это просто точка опоры, твердая поверхность, от которой можно оттолкнуться. Точка, с которой можно начать заново, с чистого листа. Он отогнал эту мысль, как назойливую, жужжащую муху, как глупую, сентиментальную чушь. Слишком банально, слиш-

ком похоже на тот мотивационный мусор, которым забиты все социальные сети, на те слащавые истории о великих возвращениях, в которые он никогда не верил. Он не верил в сказки, не верил в чудеса, не верил в хэппи-энды. Не для него это, не его история.

Он закрыл глаза, проваливаясь в тяжелое, тревожное, беспокойное забытие, которое было больше похоже на обморок, чем на сон. Завтра будет новый день, такой же серый, холодный, полный звонков коллекторов и пустоты. Но он проснется, он знал это с пугающей уверенностью. Проснется и снова будет пересчитывать мелочь в кармане, чтобы понять, на что он может рассчитывать, чтобы дожить до следующего утра. Потому что, несмотря ни на что, несмотря на все потери и разочарования, он все еще был жив, его сердце продолжало биться, легкие продолжали дышать. И это было единственное, что у него осталось, единственное, что нельзя было отнять или продать.

Точка ноль. Дно, с которого можно только оттолкнуться, только начать движение вверх. Но чтобы оттолкнуться, чтобы совершить этот первый, самый трудный шаг, нужно найти в себе силы, которых уже почти не осталось. А силы — это та валюта, которой у него было еще меньше, чем денег, которой он был беден, как никто другой. Он заснул с этой мыслью, под монотонный, убаюкивающий стук дождя по жестяному подоконнику, который звучал как колыбельная, как реквием по его прошлой жизни. Спал он без снов, без видений, без каких-либо образов. Реальность была страшнее любого, самого изощренного кошмара, который могло бы породить его измученное подсознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.